

В.В. Быконя, О.В. Сахарова

Томский государственный педагогический университет

Селькупские фитонимы в языковой картине мира

Аннотация: Рассматриваются селькупские фитонимы в языковой картине мира. Для описания системы фитонимической лексики селькупского языка важную роль играют: наименования растений, языковые смыслы, охватывающие эти наименования и связующие их в систему, сеть смыслов, свободно передвигающихся по всему фитонимическому пространству. Производные, сложные слова, составные наименования выступают как символы.

The article concerns the selkup names of plants in the lingual world picture. In order to describe the system of the names of plants in the lexics of the selkup language such components as the names of plants, the lingual meanings, including these names and connecting them in one system, the net of the meanings, moving about the whole space of the floral lexic, play a great role. The derivatives, complex words are also the symbols.

Ключевые слова: языковая картина мира, фитонимы, языковой смысл, символ, селькупский язык.

Lingual world picture, floral lexic, lingual meaning, symbol, selkup language.

УДК: 811.511.21.

Контактная информация: Томск, пр. Комсомольский, 75. ТГПУ, кафедра перевода и переводоведения факультета иностранных языков. Тел. (3822) 521782. E-mail: sacharov.v.v@mail.ru.

Понятие картины мира является одной из фундаментальных категорий, выражающих особенности человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. В связи с тем, что в каждой самостоятельной сфере общественного сознания – мифологии, религии, философии, науке – имеют место свои особые средства мировосприятия, то и картины мира выделяются соответствующие: мифологические, религиозные, философские, научные.

К пониманию особенностей восприятия мира тем или иным народом можно прийти только через комплексное изучение всех сторон его жизнедеятельности.

Картина мира, как часть мировидения, выполняет в жизнедеятельности человека две основные функции: интерпретативную (осуществлять видение мира) и вытекающую из нее регулятивную (служить ориентиром человеческой жизнедеятельности в мире). Именно вторая функция делает возможным человеческое общение и взаимопонимание, способствует интеграции людей. Поэтому картина мира, как регулирующее начало, присутствует не только в сознании и психике, но и в поведении людей, материально-чувственной практике, продуктах культуры и т.д.

Подобное утверждение ярко прослеживается на примере мифологии. Мифология, как пишет А.А. Потебня, – это «история мифического мирозерцания, в чем бы оно ни выражалось: в слове и сказании, или в вещественном памятнике, обычае и обряде» [Потебня, 1976, с. 426]. Картина мира формирует тип отношения человека к природе, другим людям и самому себе, устанавливает нормы пове-

дения человека. Например, мифологическая картина мира рассматривает родовое пространство как сакрально уникальное, поэтому на его территории представители народа чувствовали себя находящимися под защитой духа предков, в то время как пространство за пределами родового воспринималось в качестве места сосредоточения «зловредных» сил [Серебренников, 1988, с. 11, 22, 25, 26, 33].

Вся информация об отношении человека к окружающей действительности, об изменениях, происходящих в человеческом обществе, и этапах его развития заложена в языке и передается посредством звуков человеческого голоса. Язык является самым экономичным средством передачи знаний, в нем как в зеркале «отражается развитие человеческого духа, и фиксируется не только ныне существующая его ступень, но и все шаги пройденного тернистого пути» [Протасова, 2002, с. 141].

По мнению Н.Ю. Шведовой, создаваемая языком языковая картина мира – это реализация «способности языка своими собственными средствами представить все сущее как нечто целостное, вмещаемое в единое изобразительное пространство и этим пространством объединяемое». В центре всего того, что изображает слово, находятся человек (его материальная и духовная жизнь) и сфера окружающего его бытия (пространство, время, природа, созданные человеком мифы и т.д.). «Сущность и строение языковой картины мира не ограничивается только его словесным изображением: это изображение осмысливается языком, им связывается и окрашивается. На словесное “изобразительное полотно” накладывается сеть языковых смыслов, придающих такому изображению качество неоднородности и глубины» [Шведова, 2002, с. 438–440].

Языковой смысл – это языковая категория, «стоящая на высшей ступени языковой абстракции» и являющаяся инвариантом по отношению к языковому значению. Он сочетает в себе, с одной стороны, понятие материального и духовного мира человека, с другой – семантику языковых средств, обращенных к этому понятию. В недрах языкового смысла структурируются смысловые категории (общие и частные), образующие каркас, на который нанизываются классы, множества и подмножества языковых знаков, называемых в специальной литературе «семантическими полями». Во главе «поля» всегда стоит языковой смысл, который интегрирован в значение каждой языковой единицы множества. И, как отмечает Н.Ю. Шведова, языковое значение неотделимо от языкового смысла. Языковой смысл и языковое значение различаются тем, что языковое значение изменчиво, а языковой смысл стабилен [Шведова, 1998, с. 32, 34, 48, 49, 50; 2002, с. 435, 436]. Его стабильность гарантирует сохранение фрагмента культуры, связанного с тем или иным элементом фитонимической системы, и передачу его от поколения к поколению.

Для описания системы селькупских фитонимов важную роль играют следующие составляющие: во-первых, наименования представителей растительного мира, во-вторых, языковые смыслы, охватывающие эти наименования и понятийно связующие их в систему, и, в-третьих, сеть смыслов, свободно передвигающихся по всему фитонимическому пространству.

Итак, в создании языковой картины мира особая роль отводится лексемам с предметно-вещественным значением, к которым относятся и многочисленные наименования растительного мира.

Мировидение и его отражение в языке основывается не только на объективных характеристиках предметов, но и на некотором переживании, на эмоциональном отношении к ним. Когда говорят о картине мира, в создании которой участвуют фитонимы, имеют в виду их функциональные характеристики, контексты их употреблений, дополнительные внепонятийные смыслы, их парадигматические связи, в частности, на деривационном уровне. В этой картине растениям приписыва-

вается роль эталонов внешних и внутренних качеств человека, а также национально-патриотических символов [Невойт, 2006].

На примере селькупского фитонима об. *kāde* со значением ‘ель’ предлагаем расшифровку смысла, которую мы осуществляем через анализ однокоренных слов. Первое направление сопоставлений представим лексемами об. Ч *qādəčugu*, *kādīčugu* ‘шаманить’, вас. *kadīgugu* ‘рассказывать’: вас. *iral kut kadīkumbadīt* ‘старые люди рассказывали’, об. Ш *kadel’išpugu* ‘рассказывать’: *raĵaga kadel’išpat t’artelar* ‘бабка рассказывает сказки’, об. Ч *kadešpīkugu* ‘рассказывать часто’: *man adžukam kadešpīkuk, nat’eqin bargimbadīt qula* ‘моя бабушка рассказывала, что там жили люди’. Из контекстов употребления лексем мы устанавливаем смыслы: 1) быть информированным о прошлом, 2) передавать информацию, 3) «шаманить» (общаться с духами мертвых предков). Таким образом, смыслы, которые заложены в звуковом комплексе *kāde*, можно объединить в один: связь с духами предков, под защитой которых находится данное сообщество. Почитание духов предков лежит в основе духовной культуры селькупского этноса.

Следующее направление сопоставлений показывает, что в лексическое значение звукового комплекса *kāde*, являющегося наименованием ели, интегрирован смысл «связь с духами мертвых предков и переход в этот мир в результате разрыва связи физического тела с духом». Контекст употребления глагола об. С *qāded’agu* ‘окоченеть’: *qaga qāded’iba* ‘покойник окоченел’, корень которого совпадает с лексемой *kāde* ‘ель’, свидетельствует о том, что в семантическое содержание лексемы входил дополнительный смысл «стать холодным». На деривационном уровне он проявился в значении глаголов об. С *qādeptugu* ‘остудить’, ‘охладить’, ‘заморозить’, об. Ч *qādəmbugu* ‘обледенеть»; кет. *qaddasku* ‘замерзнуть’, кет. *qaddjgu* ‘окоченеть’, об. С *qadded’igu* ‘замерзнуть’, ‘окоченеть’ (высшая степень интенсивности).

Два смысла, выделенные нами для звукового комплекса *kāde*, – духовная связь с предками и переход в мир иной, не противоречат друг другу, эти смыслы взаимосвязаны. Таким образом, *kāde* – это звуковой комплекс с языковым смыслом о существующих духовных связях с предками, души которых хранятся в «куклах». Обычно их делают из разного материала, укутывают в лоскутки и тряпки и хранят в специальных амбарчиках [Мифология селькупов, 2004, с. 243].

Интересно отметить тот факт, что наименование ели материально совпадает с лексемой вас. *qade*, об. Ч, тым. *qadə* ‘ноготь’, ‘коготь’, который в селькупском фольклоре считается символом бессилия и смерти [Там же, 2004, с. 166].

Символы порождаются образами. Этимологи признают, что слово изначально было поэтической единицей, содержащей в себе образ. Образы инстинктивны и «берутся из неисчерпаемого океана коллективного бессознательного», которое «наследуется, а не развивается индивидуально» [Юнг, 1997, с. 70; Антонян, 2001, с. 23, 216; Горчаков, 2007, с. 8]. Образом бессознательного К. Юнг считал архетип. Архетип – это «коллективные универсальные модели или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок» [Юнг, 1996, с. 451; 1997, с. 71]. Таким образом, можно говорить о том, что функцией архетипов является передача опыта предков. В настоящее время к архетипам принято относить словесные поэтические образы, попавшие в литературу из мифов и фольклора, такие, как земля-мать, небо-отец, солнце-глаз. Земля, например, символично обозначает материнство [Четверикова, 2006, с. 96]. «Во многих мифах о создании мира первый человек был сотворен из праха земного, грязи, глины» [Тресиддер, 1999, с. 109]. В селькупской культуре на уровне архетипа существует отношение к траве как к волосам земли. Это отношение отражается в высказываниях типа: «Не могу на огороде равнодушно траву полоть, всё мне кажется, будто я у земли волосы её вы-

дираю»; «Трава – это волосы Земли... Особенно на кочке. Кочка – голова земли» (Обь: Ив., Ласк.) [Мифология селькупов, 2004, с. 70].

Символ представляет собой знак, оплодотворенный мыслью, за которым скрывается какой-либо смысл (сложный образ, мотив, идея, сюжет). Символ дает основание для множества ассоциаций и толкований, как взаимодополняющих, так и противоположных, то есть может выражать «сразу много тем посредством одного и того же осязаемого объекта или деятельности». Природа любого символа бесконечно глубока и не исчерпывается значениями, выделенными исследователем на основе анализа культуры и традиций [Семенова, 1991, с. 32; Бескова, 2000, с. 161; Горчаков, 2007, с. 4, 9].

В языке все символично. В селькупском языке производные, сложные слова, составные наименования выступают как символы.

Рассмотрим составное наименование тым. $\text{q}\beta\text{i}\text{r}\text{j}\text{m}\text{d}\text{z}\text{at}$ по 'черничник' и сложное слово тым. $\text{q}\beta\text{e}\text{r}\text{n}\text{a}\text{d}\text{z}\text{ak}$ 'черника'. Выделим общие компоненты $\text{q}\beta\text{i}\text{r}$ – $\text{q}\beta\text{e}\text{r}$, $\text{d}\text{z}\text{at}$ – $\text{d}\text{z}\text{ak}$ и проследим их языковые связи. Исследования в области истории языка показывают, что звонкие звуки древнее глухих. По мнению Ю.А. Морева, č иногда является результатом оглушения звонкой аффрикаты $\text{d}\text{ž}$ [Морев, 1976, с. 48], в связи с этим представим переход $\text{d}\text{ž} > \text{č}$ и найдем соответствия для $-\text{d}\text{z}\text{at}$ и $-\text{d}\text{z}\text{ak}$.

Соответствием первому звукокомплексу является послелог об. С, Ч, тым. čad , čād , $\text{čad}\text{i}$, тым. $\text{čat}\text{i}$ 'перед кем-либо', 'напротив кого-либо, чего-либо', 'над чем-либо', первоначально имеющий конкретное значение «место рода», то есть символ родового гнезда, а не абстрактное значение «место вообще».

Второму звукокомплексу $\text{d}\text{z}\text{ak}$ соответствует прилагательное об. Ч čay , об. С, Ч, вас. $\text{čay}\text{ə}$, вас. čāko 'белый'. Считаю, что в данном случае совершенно конкретно подразумевается «белое (священное) место». Приведем для сравнения слова об. Ш čayagu 'постелить постель' (прикрыть светлое место); тым. $\text{čayad}\text{žgu}$ 'закрыть', 'накрыть', 'покрыть небо', 'загнать коров во двор'; об. Ч $\text{čayad}\text{žembugu}$ 'отгораживаться' (отделить светлое место).

Рассматриваемый компонент входит в составное наименование об. Ч čay loya 'песец' (букв. белая лисица), то есть белый лис, являющийся предком рода. Таким образом, čay 'белый' (цвет) через предка рода указывает на имя самого рода. В значении «место рода» čay сохранилось в наименовании артефактов: об. Ч $\text{čay}\text{i}\text{j}$ 'озеро', 'болотце'.

Обращаясь к ряду соответствий $\gamma\sim g\sim k\sim q$ [Dulson, 1971, с. 38], считаем возможным выделить для звукокомплекса čay следующие направления семантического развития: 1) тым. čagargu , čagirgu , об. Ш, Ч, тым. čagərgu , об. С, Ч čayərgu 'засушить', 'сушиться', 'закоптить', 'калить орехи', 'зачахнуть'. Семантическая деривация указывает на отдаление от исходного состояния, а корень čay - представляет семантический этимон «уйти в сторону», «уйти в забвение», «увядать», т.е. «уходить в прошлое»; из значений глаголов об. Ч, кет. $\text{ča}\text{žgu}$, $\text{čad}\text{žgu}$ 'идти', 'ходить туда-сюда' мы выделяем сему «движение в ограниченном пространстве», ср. также тым. $\text{čad}\text{žat}$ 'род', 'приплод' (т.е. душа ходит туда-сюда в пределах своего рода); 2) об. Ч, тым. čaka , čakka 'столб', 'колышек', вас. $\text{ča}\text{žgu}$ 'посеять зерно', тым. $\text{čad}\text{žagu}$ 'приковать' (быть привязанным к своему роду), об. Ч $\text{čaqad}\text{žgu}$ 'преградить путь' (не дать душе покинуть границы своего рода).

Отметим, что компонент čaq входит в составное наименование тым. čaqa qana 'белая ива', 'раkitник', также встречается в слове тым. čaqer 'лужайка': $\text{čaqer tid}\text{i}\text{y}'\text{e o}\text{čembat}$ 'лужайка прутьями заросла' (значит, отдалилась в прошлое), ср. вас. $\text{čaqeq čan}\text{žle q}\beta\text{at}\text{əmbugu}$ 'становиться желтым', 'желтеть' (букв. к белому месту идя начинать), т.е. начинать путь в родовое гнездо.

Итак, совокупность значений рассмотренных компонентов дает возможность реконструировать знания селькупского народа о фрагменте мира, связанном

с представлением о родовом пространстве, его святости и закрытости для членов определенного родового сообщества. Эти знания нашли свое отражение в составном наименовании тым. qβiŋimdžat по 'черничник' и сложном слове тым. qβernədžak 'черника'.

К числу подвижных элементов фитонимической системы следует отнести

лексемы tō, tō̄, t'o, tū, выступающие обозначениями ряда деревьев – березы, сос-

ны, лиственницы: (С.WV) В., Tas. tō 'берёста', Кар., Jel., В., Tas. tō̄ 'берёста', 'сос-

на'; Кар. tū̄, NP. tūe 'сосна'; (Д.) об. С, тым. tō, tō̄ 'берёза'; тым. tōu, об. С tūu, кет.

tūβə, тур. tūmj̄ 'лиственница'; тым. t'o 'сосна'. Их производные tōl, tūl входят в ка-

честве составляющих компонентов в наименования: (С.WV) Jel., В., Tas. tōl-pu,

Кар. tūl-pu 'сосна'; Кар. tool-laka 'берёста'; (Д.) об. С, Ш tōldžrē 'ветла', 'тополь', 'ива', тым. tūldžr, об. С tūlžəre, об. Ч, кет. tūl'džere, кет. tūl'dre, об. Ш təldžər 'ветла', 'ива', 'тополь', об. Ш t'ol'dže 'ветла'.

Мы видим, что наименования березы, сосны и берёсты tō, tō̄ совпадают мате-

риально. Ю.А. Морев указывает на то, что гласный \bar{o} представляет собой долгий

вариант \bar{o} , и замещение одного звука другим является факультативным [Морев, 1973, с. 30]. Отметим, что компонент tō- входит в состав лексем об. С tō-г 'исток', об. Ш tō-гга 'исток', об. Ч tō-ггat tō 'источное озеро'. В данном случае для корня tō выделяем значение некоего начала. Для сравнения приведём данные из других языков: ср. як. tōgō 'рождаться', 'происходить от', tōrūt, tōrdum, tōrdo 'род', 'порода', 'происхождение', 'начало'; тюрк. tōgo, tōgā, tōgu 'родиться', 'появиться на свет' [Пекарский, 1959, с. 2759, 2783].

Предполагаем, что корнем tō- мог обозначаться родовой дух, который ассоциировался с женским началом и воплощал идею рождения, происхождения человека и рода. Семантическими дериватами являются глаголы об. Ч tōdendžugu 'тошнить', об. Ч, вас. tōdešpugu 'рвать', 'блевать', tōdəgu 'испражняться', 'тошнить', 'вырвать', 'наблевать'. Также семантическое развитие пошло в направлении об. С tōkugu 'вытолкнуть', об. С tōkurgu 'выталкивать', где компонент -ку имеет положительную коннотацию и передаёт значение 'нянчить' (ср. об. Ш kugurgu 'качать из стороны в сторону': об. Ш mat kugurnar kībajčer 'я качаю ребёнка', об. Ч kugurəmbugu 'ворковать').

Из семантики приведенных лексем выделяем семы «происходить», «опекать». По данным этнографии, в наиболее древних представлениях селькупов о «горизонтальном, линейном» строении Вселенной, относящихся к периоду матриархата, верховье реки, т.е. ее исток, считалось Верхним миром, миром предков селькупов [Прокофьева, 1976, с. 112–113]. В эпических сюжетах многих народов представлены факты рождения и вскармливания человека деревом (берёзой). Эти понятия тождественны для архаичного мировоззрения. В алтайском эпосе, например, герой подвешивает ребенка к четырем березам, и береза вскармливает его своим соком; в древнеиндийской традиции речь идет о дереве, истекающем сомой, которое растет на третьем небе и вскармливает младенца; в сибирском фольклоре вместо сомы фигурирует сок березы, в якутском – илгэ [Сагалаев, 1991, с. 104]. Действительно, береза – это единственное дерево, которое в определенное время года изобилует соком.

В наименовании берёсты об. С t'onb'i вычленяется компонент t'o-, материально совпадающий с наименованием сосны.

Анализ производных и сложных слов позволяет расшифровать интегрированный в фитонимы смысл. Морфемное членение слова t'onb'i на компоненты t'onb'i делает прозрачным его словообразовательный прием, а именно словосложение. Первый компонент зафиксирован в качестве наименования сосны, второй компонент, с учетом элизии гласного, можно соотнести со словами об. Ш, Ч, вас., тым., тур. nõba, об. Ч nõba 'дыра'; об. Ш, Ч, вас., тым., тур. nob 'небо'; об. Ч nãbqilgu 'высосать'; об. Ч, вас., тым. ñerqilgu 'высосать', об. Ч nãbql'ešpugu 'втягивать губы', 'сосать', семантика которых позволяет трактовать t'onb'i 'берёста' как защитный слой, втягивающий, всасывающий темные силы. Негативную коннотацию несет первый компонент, ср. об. С t'oud'igu 'рассердиться'; кет. tũmbjgu 'сердиться'. Такой вывод полностью согласуется с данными этнографии. Н.А. Тучкова отмечает, что селькупы действительно считали берёсту оберегом, который помогал противостоять потусторонним силам и создавал защитный слой, отгораживающий от этих сил [Мифология селькупов, 2004, с. 285], ср. тур. tõlritä 'набрюшник' (из берёсты, подкладывается под ребёнка). Смыслы, выделен-

ные для наименований tō, tō̄, t'o, являются взаимодополняющими и позволяют

сделать вывод о том, что берёза и сосна являлись символом рода, его хранителем и оберегом от злых сил.

В наименовании сосны tũl-ru, tũl-ru выделяем общий компонент -ru и сопо-

ставляем его со словами об. Ч, ел. rũgu 'дуть'; об. Ш, Ч, тым. rũdž 'дудка', 'ствол'; об. Ш, Ч rũgu 'переправиться', об. Ш rudəl 'порог'. Берем за основу слово rũdž со значениями 'внутренность', 'дудка', 'ствол (ружья)'. Ту же функцию нейтрализации темных сил выполняет сосна. Этой функцией могут обладать и другие представители растительного мира, наименования которых включают производные от звукового комплекса ru-: тым. ruži ñudž 'луговая трава'; об. Ч rudžabujal 'таволжный'; об. Ч, вас. rudžellaga 'древесный гриб'; кет. rudžəñudžə 'пырей'; ел. rūt 'дудка' (растение). Отметим, что в алтайских языках реконструирована праформа *rũta 'прутья', для пратунгусоманьчжурских языков – праформа *foto 'тальник', 'верба', для пратюркского – *putak 'ветка' [Дыбо, 1996, с. 10]. В селькупских диалектах встречаем наименования кет. putt'i 'берёзовик' (гриб на березе); puttoŋarę 'ива'.

Что касается первых компонентов, то компонент *töl* ‘берестяной’ в фонетическом варианте *t'ol'*- входит в наименование об. Ш *t'ol'dže* ‘тополь’, ‘ветла’ и сопоставляется с первым компонентом лексемы *t'ol's'e, t'ul'se* ‘ружьё’ (ствол с исходным значением ‘дудка’). Полагаем, что это была узкая дудка, преграждающая

путь тёмным силам. В этом случае также можно констатировать, что *tõl-ru, tül-ru*

‘сосна’ выступала берегом рода.

От наименования об. Ш *t'ol'dže* ‘тополь’, ‘ветла’ отсутствием *-l'*евого компонента отличается наименование об. С *t'odžə* ‘краснопрутник’, с которым на словообразовательном уровне связано прилагательное об. С *t'odžiya* ‘тихий’, ‘спокойный’. Рассматривая в противопоставлении компоненты *t'o-/t'ol'*, приходим к выводу о том, что «темные силы», которые нужно было нейтрализовать, представляли собой разную степень интенсивности.

В наименованиях об. С, Ш *töldžrē* ‘ветла’, ‘тополь’, ‘ива’, тым. *tüldžr*, об. С *tülžare*, об. Ч, кет. *tül'džere*, кет. *tül'dre*, об. Ш *töldžər* ‘ветла’, ‘ива’, ‘тополь’, об. Ш *t'ol'dže* ‘ветла’ обращает на себя внимание второй компонент *-džrē, -džr, -žare, -džere, -dre*. По данным Ю.А. Морева и Ш.Ц. Купера, твердая звонкая аффриката *dž* может заменять глухую аффрикату *č*; в середине слова возможно употребление *ž* в результате разложения аффрикаты *dž*, а в записях А.П. Дульзона обнаружены случаи деаффрикатизации *dž* в *d* [Морев, 1973, с. 75; Купер, 1981, с. 104]. Соответствия для звукокомплекса *-dr(e), -džr(e), -džer(e), -džər, -žər(e)* мы находим в лексемах со значением ‘родня’: об. Ш, вас. *čard'e, čarde*, об. Ч, тым. *čardže*, об. Ч *čarče* ‘родня’, в которых заложен смысл родственной связи. Ср.: об. Ш *mat čardeim qujadit* ‘мои родные-мои умерли’; об. Ч *čardželat kundaqindo tömbat* ‘родные издали приехали’. Рассматриваемый компонент встречается также в глаголах вас. *čafešpuğu* ‘линять’, об. Ч *čarəğu* ‘полинять’, об. Ч *čarəmbuğu* ‘линять’, то есть сбросить, отделить, возможно, в значении ‘отделиться роду’ (обновить, создать что-то новое). Следующее направление сопоставлений: тым. *čareğu* ‘выстрелить’, об. Ч *čarəuğu* ‘выбегать периодически’, кет. *čarul'čigu* ‘быстро выйти, выскочить’, вас. *čarğu*, об. Ш *čarigu*, об. Ч, тым. *čarəğu* ‘выбежать’, ‘вылететь’, ‘выскочить’, перен. ‘выйти замуж’ подтверждает значение ‘отделиться в новый род, в новую семью’. Ср.: тым. *man tebjtko čarjyak* ‘я замуж вышла’.

Смысл, выделенный для компонента *-dr(e), -džr(e), -džer(e), -džər, -žər(e)*, подразумевает наличие родственной связи и отношений как внутри рода, так и между родами.

Рассматриваемый компонент совпадает со словом *čer, t'er, d'er*, которые Б.О. Долгих выделяет в ненецком слове *jačer* (*ja* ‘земля’, ‘место’, *čer* ‘житель’). В нганасанском языке *čega* обозначает «обитатель»: *madu čega* ‘чума обитатель’. С их помощью образуются названия древних родов фратрий Линан-чера, Чунан-чера и др. [Долгих, 1970, с. 49]. Б.О. Долгих считает, что это слово вошло в наименование племени пе-чера, которое относится к легендарному досамодийскому населению севера, было ассимилировано ненцами и к XI веку стало самодийским. Таким образом, второй компонент наименования тополя (~ ветлы) относится к древнейшему слою лексики и имеет этнонимический источник происхождения.

Компонент *təl-* лексемы об. Ш *töldžər* ‘ветла’, ‘ива’, ‘тополь’ соотносится с первым компонентом этнонима об. Ч *tiłqur* ‘татарин’ (ср. об. С, Ш, кет. *tj*, кет. *tju* ‘татарин’, ‘чулымец’). Вероятно, так называли предков. В тымском диалекте имеется слово *tiga* ‘младший’, а также глагол *tjüłöšku* ‘ступить’, ‘наступить’; в других диалектах наречия об. Ч *tjuon*, об. Ш *tjka* ‘сюда’. Можно выделить сему

«движение по направлению к чему-либо». Для деревьев 'тополь', 'ветла' восстанавливается смысл «связь родственных народов».

Связующая роль двух миров с предками заложена в наименовании черемухи (дерева): тур. $m_{n}k_{n}e\acute{s}i$; таз. $m\ddot{u}k\grave{a}$, об. Ш, Ч, вас., тым. $m_{n}g_{n}e$; об. С $m_{n}go$, кет. $m_{n}qo$; тым. $m\ddot{u}g_{n}e$, $m_{n}g_{n}e$. Считаю возможным провести морфемное членение слов на компоненты $m_{n}k_{n}e\acute{s}i$, $m\ddot{u}-k\grave{a}$, $m_{n}g_{n}e$, $m_{n}-go$, $m_{n}-qo$, $m\ddot{u}-g_{n}e$, $m_{n}g_{n}e$. Первый компонент в фонетических вариантах $m_{n}k_{n}$, $m\ddot{u}$ - надёжно сопоставляется с лексемами ел. $m_{n}k_{n}$ 'дыра', кет., тур. $m_{n}k_{n}$ 'отверстие', 'дыра', 'щель'. Второй компонент обнаруживает соответствие с лексемой тур. $q\acute{e}s\grave{i}$ 'место (болотистое)', 'край'. Негативная коннотация сохраняется в производных: кет. $q\acute{e}s\grave{i}g_{n}$ 'вонять'; $q\acute{e}s\grave{i}d\grave{i}$ 'вонючий': $\ddot{u}t\ n\grave{a}g\acute{o}y\acute{o}n\ q\acute{e}s\grave{i}d\grave{i}$ 'вода в болоте вонючая'; об. С $q\acute{e}s\acute{o}ld\acute{z}u$ 'напугать', 'вспугнуть'; ел. $q\acute{e}s\acute{a}l'd'iq\acute{o}$ 'ударить', 'хлестнуть'. Компонент $-g_{n}e$ в наименовании $m_{n}g_{n}e$ является более древним по сравнению с компонентом $k_{n}e\acute{s}i$, его внутренняя форма неясна. Компоненты $-go$, $-qo$ в наименованиях $m_{n}go$, $m_{n}qo$ также десемантизированы, но они сохранились в структуре следующих слов: тым. $ko\acute{s}e-j\acute{a}d$ 'народ', кет. $q\acute{o}\acute{s}\acute{s}i$ 'пристать', 'причалить'. Полагаю, что лексемы $q\acute{e}s\grave{i}$, $ko\acute{s}e$ обозначали место рода, причём материнского рода. Этот компонент вошёл в структуру устной формы ойконима об. Ч $Q\acute{a}\acute{s}e\acute{b}\acute{a}l\ \acute{e}d$ 'Мумышево' ($\acute{e}d=j\acute{a}d$). Фактический материал позволяет заключить: все, что связано с эпохой матриархата, сохраняется в исторической памяти этноса, в его культуре в виде отрицательных образов, отрицательных эмоций и оценок: тур. $tel'\acute{c}i\acute{q}\acute{o}$ 'сгнить', кет. $q\acute{i}\acute{s}\acute{s}i\acute{g}u\acute{m}g_{n}$ 'завонять', тым. $q\acute{i}\acute{s}\acute{s}i\acute{b}\acute{a}t\acute{g}_{n}$ 'испугаться'.

Итак, исследование селькупских фитонимов с позиций языковой картины мира позволяет выявить особенности воплощения стереотипов национального сознания в языковых формах. Анализ фитонимов действительно даёт возможность реконструировать знания селькупского народа об определенном фрагменте окружающего мира, и проследить, как внеязыковая действительность преломляется в языке.

Сокращения

вас. – васюганский диалект; **ел.** – елогуйский говор; **кет.** – кетский диалект; **Лук.** – Лукьяново; **МЯ** – Максимкин Яр; **нар.** – нарымский диалект; **об.** – обский ареал (об. С, Ш, Ч); **об. С** – обские говоры Сюсюкум; **об. Ч** – обские говоры Чумьлькум; **об. Ш** – обский говор Шёшкум и Шёшкуп; **таз.** – тазовский диалект; **тур.** – туруханский говор; **тым.** – тымский диалект; **С.WV** – М.А. Castrén. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen sprachen. St. Petersburg, 1855.

Литература

- Антонян Ю.Н. Миф и вечность. М., 2001.
Бескова И.А. Язык символов как эпистемалогический феномен // Эволюция. Язык. Познание / Под общ. ред. И.П. Меркулова. М., 2000.
Горчаков Г.С. Символизм в культуре. Томск, 2007.
Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
Мифология селькупов: Научное издание / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушков, А.В. Байдак. Научн. ред. В.В. Напольских. Томск, 2004.
Невойт В.И. Фитонимы в русской языковой картине мира. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://filologdirect.narod.ru/sra/sra_2006_36.html.

- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3 т. М., 1958–1959. Т. III. Вып. 10–13. М., 1959.
- Протасова А.К. Метафора в древних индоевропейских языках: от образа к понятию // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: В 2 т. Томск, 2002. Том 1.
- Семенова З.Р. Космологические представления у якутов: символика и знак // Духовная культура в жизни этноса. Якутск, 1991.
- Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.
- Четверикова Т.Д. Образы земли, воды и огня в художественном мире М.А. Шолохова // Вопросы филологии. 2006. № 3 (24).
- Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.
- Шведова Н.Ю. Русский язык: Избранные работы. М., 2002.
- Юнг К.Г. Человек и его символы. СПб., 1996.
- Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. СПб., 1997.
- Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft VII. Tallinn, 1971. № 1.